

КРОВИНОЧКА

Рассказ

Антон Сергеевич Васильев-Макаренко

Рассказ, записанный внучатым племянником Антона Семёновича Макаренко, на основании переписки его деда, Виталия Семёновича Макаренко, со своей племянницей на родине в Кременчуге. В рассказе раскрываются неизвестные факты из жизни семьи Макаренко.

• письмо • переписка

Оттягивать некуда: двадцать лет прошло с того светлого майского дня, когда мы виделись с тётёй Тасей в последний (и в первый тоже!) раз. Именно так, потому что когда я если и приезжал в Кременчуг и Крюков в прежние годы, то её от меня прятали, или сама она пряталась точно так же, как и в этот памятный раз: стеснялась себя, своей малости, жалкости до убогости. А при этом она вся светилась добротой необыкновенной, помимо природной её скромности и деликатной тихости. Но более всего меня поразили, конечно, родные её черты, так неожиданно нам открывшиеся в сыроватом прохладном сумраке дедовского музея.

* * *

Ньерес, 19-6-62

Дорогая Тася,
Только сегодня мне сообщили твой адрес. Не уверен, что это письмо дойдет по назначению, как и не уверен, что оно будет тебе приятно. Я очень рад, что ты жива и, надеюсь, здорова. Если получу от тебя разрешение писать, то напишу о себе подробнее, как и о своих странствиях. Последние 30 лет я прожил в Париже, но вот уже несколько месяцев

нахожусь в доме отдыха на юге Франции — здоровье начинает сдавать. Где Лёля? Мама и папа, наверное, уже покинули наш мир.

Буду рад каждому твоему слову. Где ты живёшь, что делаешь? Сохранилась ли могила дедушки, а также Жоржика? Был бы также рад получить твои фото и фото Крюкова и Кременчуга, Лёли, папы, мамы...

Мне сообщили также адрес Е.Ф. Григорович. Знакомы ли вы? Она живёт в Кременчуге, ул. Чередицкая, д. № 5.

И кто такая Афанасьева Елена Константиновна? Крюков, переулок Ленина № 3. М.б. это Лёля (тогда почему Константиновна)?

Надеюсь, что ты мне ответишь. Обнимаю и целую тебя крепко. Твой дядя Витя.

V. Makarenko «Beau-Sejour» Nierres (VAR) France — Франция.

* * *

Это самое раннее из сохранившихся немногих писем и поздравительных

открыток из скупой переписки моего деда с его племянницей, переданных мне моей троюродной сестрой Светланой Афанасьевой, проживающей ныне в Кременчуге на проспекте 50 лет Октября. Кому всё это может быть интересно? Не знаю, но я пишу как бы рассказ, сидя в своей монастырской келье на острове, тоже, как назвал бы мой дед Виталий, «в доме отдыха», хотя это совсем не так. Всё не так: наверное, об этом я и пишу.

* * *

Милый, милый мой дядя Витя!

Просто не верится, что Вы писали эти строки и держали в руках этот листик бумаги, который принёс мне большую радость.

С нашей семьи нас осталось только двое. Мама умерла в эвакуации 12 апреля 1942 года, папа умер в 1948 году, Борис не вернулся с фронта, Зоя и Нина пропали без вести. Лёля замужем за Афанасьевым, имеет двух дочерей, Галину и Светлану, и сына Юрия. Лёля стала Константиновной при обмене паспорта, ошибочно написали не Кузьминична.

Работаю в музее хозяйкой, живу одна при музее. В этом тихом уголке всё лето цветы, цветы. Начинает цвести сирень, потом пионы и крупная белая ромашка. Сейчас отцветают белые розы и расцветут красавицы георгины. Скоро зацветут гладиолусы и много других цветов. Всё это плоды моих трудов, и всё здесь очень дорого.

Была замужем, но жизнь не сложилась, в жизни осталась одна. Имею сына Виктора, он не в Крюкове, живёт и работает в Донецкой области.

Дедушкина могила не сохранилась, на дедушкиной могиле вторая чужая могила. Жоржика могила сохранилась.

Елизавета Фёдоровна раньше часто бывала в музее, последние два года не бывает у нас, так как для неё это уже тяжело. Думаю, что на днях буду у неё, отнесу ей Ваш привет.

От Лили получила письмо, где она пишет о том, что получила первую Вашу весточку. Писала Лиле, но почему-то она не получила моё письмо. Написала вторично, возможно перепутала адрес. Вообще голова стала бестолковой и пустой.

Лёля передаёт Вам привет и самые наилучшие пожелания. Жду письмо и Вашу фотографию, если это возможно.

Мамины фотографии не сохранились, в 1941 году при бомбёжке всё сгорело. Крепко крепко Вас обнимаю и целую. Много много раз целую эти листики письма, которые Вы будете держать в своих руках. Как жаль, что мамочка не дожила до этого дня.

Будьте здоровы и счастливы. Все мои мысли и думы с Вами. Ваша племянница Тася.

* * *

Вы не поверите, но она мне сейчас приснилась, эта тётя Тася, мамина двоюродная сестра, умершая 20 лет назад вскоре после нашей короткой встречи в дверях крюковского музея. Я стал засыпать, сидя за столом, легко, на раз, и по нескольку раз на дню. Что-то она мне щebetала по поводу трапезы, которую я только что закончил: еду мне братья-послушники приносят прямо в номер монастырской гостиницы, где я живу с видом на озеро, как дед Виталий жил на Ривьере с видом на море: чем не дом отдыха! Во сне она была молодая, лет 30 или сорока, а тогда, в 1998-м была, конечно, совсем ветхая. Говорила еле слышно себе под нос; она боялась или не хотела поднять голову, чтобы мы не видели глубоких её морщин. Голубые выцветшие глаза на тёмном лице.

* * *

par avion

гр. Загнойко Татьяне Кузьминичне.
Крюков-на-Днепре Полтавской области.
Ул. Свердлова, д. 6, кв.3. U.R.S.S.
9-7-62

Дорогая, милая Тася!

Получил твоё письмо. Счастлив бесконечно. Но и печален тоже. Отвечу завтра т.к. сегодня очень занят. В воскресенье, 15 июля, уезжаю в Париж дней на 15—20. Если будешь писать в Нуегес — мне передадут и, пожалуйста, пиши мне на «ты». Ты не девочка. Целую тебя, мою хорошую грустную. Лёле привет и Е.Ф., если увидишь. Всегда твой. В.М.

* * *

Какой контраст с благополучием цветной глянцевой картинке на открытке: цветущая французенка в национальном костюме с букетом цветов на фоне цветущего сада над заливом солнечной Ниццы! И такая же радужная марка.

А вышеприведённое письмо тёти Таси — это, видимо, копия или черновик. Поэтому оно единственное, и других не будет. В многосложной нашей общей переписке с нашим уважаемым эмигрантом-белогвардейцем, бывшим офицером царской армии, таких черновиков было много, ибо мы все, и я, и сестра, и мама, не всегда знали — какие надо правильные подобрать слова, чтобы не обидеть цензуру и угодить вспылчатуму характеру пожилого господина, которого никто из нас никогда не видел и не слышал. Он свалился как снег на голову не без помощи Красного Креста, через который он всё-таки узнал о нашем существовании после того как сдохла, наконец, мамина «тётка», вдова его брата, знаменитого на весь мир писателя и педагога Антона Семёновича Макаренко, в честь которого моя мама, его племянница и приёмная дочь, назвала меня в далёком 53-м. Эта самая тётка, Галина Стахивна Салько, сделала всё, чтобы не дать деду соединиться с нами. Она же, по моему убеждению, была и одной из успешных убийц своего великого мужа в борьбе за его великие гонорары. Уже не секрет, что он собирался уйти от этой фурии, бросить её вместе с дорогой кооперативной

ЖИЗНЬ В ПРОФЕССИИ

квартирой в писательском доме в Лаврушинском переулке, на которую она заставляла больного сердцем человека (мужа) набирать всё новые и новые невыполнимые авансы. «Зачем тебе эта барыня?» — спрашивала Антона его мать Татьяна Михайловна (Дергачёва), сама родом из семьи обедневших дворян Орловской губернии. И они не находили ответа. Потому что это был рок. Это были происки врага. Это был его крест, называемый судьбою — суд Божий. И только сидя в монастыре и читая Феофана Затворника, можно как-то попытаться разобраться в клубке.

* * *

Тулон 25-9-62

Родная, любимая!

Пишу тебе из Тулона, где я пробуду сегодня весь день. Получил твоё письмо. Благодарю, но не думаю, что у меня есть какие-то шансы на успех. Ведь я апатрид — человек без прав и без родины. Впрочем — напишу об этом Лиле. Ей в Москве видней. Тебе отвечу завтра. Будь здорова, моя радость, дорогой мой человек

Целую крепко — Виталий.

* * *

Лилия — это моя мать, Олимпиада Витальевна Макаренко. Ничего ей не было виднее в Москве. Она обливалась над каждым письмом деда — своего отца — то слезами радости, то горя, и вся их переписка закончилась ничем. То же случилось и с моей старшей сестрой Екатериной (Васильевой), народной артисткой, а затем и меня не миновала чаша сия, как я ни старался. Судьба. Рок. Ведь те бомбы, которые падали на русских людей в Крюкове (слобода и ж\д станция, пригород Кременчуга на правом берегу) и те, что падали в 41-м, и те, что будут падать в конце Истории, это одни и те же бомбы, из одного «источника»,

из одних мохнатых рук. Или лап, как вам будет угодно. Жорик, о могилке которой спрашивает дед, это его двухгодовалый сын, мой дядя, брат матери, которая была тогда ещё в утробе у бабушки, а бомбы падали, доблестная армия товарища Троцкого трусливо бомбила хаты мирных жителей на дальних подступах. И маленький Георгий погиб, вместе с кем-то из взрослых. Кто-то пропал без вести. Сгорел. Утонул, канул в лету. За спиной у тёти Таси висели на белых стенах вырезанные ею из журнала «Советский экран» фотопортреты моей сестры, а мы не могли больше задерживаться там с расспросами: нас ждал на фарватере Днепра белый теплоход, бросивший якорь, и оставались минуты. Сестра её родная тётя Лёля сменила отчество не потому, что писец сделал ошибку. Она жаловалась, что много претерпели обе за то, что где-то на Западе живёт их недострелянный дядя. Ещё один долгий рассказ.

* * *

12 июня 1963 г.

Дорогая, далёкая кровинка!

Благодарю сердечно за письмо от 31 мая. Очень рад, что ты получила семена, но, конечно, для крюковского лета их сеять уже поздно. Рад также, что взошли петунии и гвоздики (кажется, твой любимый цветок). При известном уходе ты можешь получить цветы до 15 сантиметров в диаметре. Очень жалею, что не могу послать тебе луковичных.

У меня ничего нового. В июле, может быть, уеду на несколько дней в Париж. Ну, вот, моя радость, пока всё. Ещё раз благодарю сердечно. Не болеей и будь благополучна.

Обнимаю и целую крепко (подпись).

* * *

Продать квартиру в Париже и переселиться в богадельню для лиц социально незащищённых, нечто вроде нынешнего хосписа, деду

пришлось после того, как он проигрался по полной в казино Монте-Карло и в одночасье потерял всё, что было нажито честным трудом за долгие годы. Признаться в этом нам он не мог. Так же, как и себе самому, наверное. На фото 60-х он вполне себе комильфо, если не считать бесконечно грустных-грустных глаз и такой же нерадостной улыбки в тени фасонистой шляпы. На фоне пальм. Или с белой собачкой в руках.

Фокстерьер Дружок. Его косточки захоронены с ним в одной могилке, по завещанию, на аллее Леонардо да Винчи. Мой сын Вася пытается вступить в права владения ею, чтобы сохранить от уничтожения. Ведь там, у них, за всё надо платить. Он нынче поехал туда, в городок Йер под Ниццей. Племянник, мой отец Димитрий, договаривался как-то, чтобы перезахоронить возле русского храма, но не состоялось. Даже я получал разрешение от бывшего столичного мэра Лужкова на подзахоронение к брату на Новодевичье, но там такая братская собралась уже команда, включая самоубийцу и бронзового хлопчика с пионерским галстуком... Нет, не то.

* * *

3 янв. 1964 г.

Дорогая Тася!

Очень благодарен за поздравления и пожелания. И тебя поздравляю с Новым годом и искренно желаю всего лучшего, а главное, здоровья. Всё остальное приложится.

Целую крепко М. Виталий

* * *

Благодарю за фотографию и марки. Я взял 2—3 — остальные возвращаю. Я уже писал тебе, что марки с изъяном не представляют никакой ценности. Отдай их какому-нибудь мальчику — начинающему филателисту.

Будь здорова и счастлива (подпись).

* * *

Татьяне Кузьминичне Загнойко
г. Кременчуг 21 — Полтавской области,
улица Революционеров № 6 — 2 U.R.S.S.
декабрь 1973 г.

Мой дорогой друг,
далёкая милая Тасечка!

От всего сердца поздравляю тебя с наступившим Новым годом и от души желаю тебе всего лучшего, а главное, здоровья на многие годы и исполнения всех твоих желаний.

В этом году я получил от тебя два обидно-коротеньких письма, почему и не писал тебе. Последнее время я всё болею и не поехал ни в Италию, ни в Марбург, куда меня настойчиво приглашали. Отказался я и от поездки в СССР, хотя Марбургский университет и оплачивал все расходы по поездке. Ведь мне скоро 79 лет.

Будь здорова. Пиши побольше.
Обнимаю и целую крепко. Виталий

* * *

А что было писать побольше? Побольше напишешь — письмо не дойдёт вовсе. И так часто бывало, причём в оба конца; что служило поводом для обид и недоразумений. Как было объяснить, что мы — «одной крови»? Одной веры. А дальше — больше...

* * *

9 июня 1974 г.

Мой дорогой единственный друг,
дорогая Тасечка!

Сердечно благодарю за милое письмо и путеводитель по музею (А.С. Макаренко). Всё-таки было приятно получить, хотя в путеводителе для меня ничего нового нет, так как я работал в Марбургском университете — в лаборатории, посвящённой деятельности Антона, и там существует такая огромная библиотека и такой огромный архив (фотографии, документы, письма и пр.), что я сомневаюсь, чтобы в России существовало что-нибудь подобное. Но это не суть важно.

Как ты работаешь? Наверное, ты не одна в музее. Ведь это огромная работа: встречать посетителей, провожать, следить за ними. Потом надо держать музей в порядке — вытирать пыль, мыть полы и пр. А зимой надо топить печи.

У меня ничего нового. Со 2-го мая мне пошёл 80-й год. Вот уж не думал дожить до этих лет. Откровенно говоря — устал. Да и здоровье сейчас не в порядке. Какая-то канитель с кровью, вот уже 6 месяцев. Всё берут у меня кровь для анализа — думаю, что у меня что-то вроде рака крови. Ну да теперь это совсем не страшно. Скучаю ужасно. Почти всё время читаю. Но сейчас и читать уже нечего. До сих пор советские издания были доступны. Но во Франции страшная инфляция, всё дорожает с каждым днём, и советские книги стали так же дороги, как и французские. Если у тебя бывают старые журналы («Огонёк», «Крокодил», «Юность» и пр.), то я буду тебе благодарен, если ты мне их перешлешь бандеролью. (Пересылка печатного стоит очень дёшево). А я соберусь и пошлю тебе посылочку. (Не бойся — я уплачу все расходы, в том числе и налог, и тебе ничего не придётся платить. Раньше я этого не знал. В Париже существуют две конторы, которые только этим и занимаются).

Хотел бы переслать тебе немного денег, но это невозможно, в особенности сейчас. Я был в нескольких банках — везде отказ.

Изредка бываю в Ницце, Монте-Карло, Ментоне. На Пасху был в Италии: во Флоренции и Венеции. Было солнечно, но прохладно. Весна в этом году везде холодная, даже здесь, на Ривьере, где обычно в феврале уже все ходят без пальто.

Теперь так! Имеешь ли ты адрес моих внуков в Москве? С ними я не переписываюсь вот уже три года, но в этом

году в день рождения, 2-го мая, неожиданно получил телеграмму, подписанную — Антон-Лена (наверное, женился). Послал благодарность на старый адрес Кати, но до сих пор никакого ответа. У Олимпиады новый адрес, но он у меня неполный. (Первомайская № 60) но нет номера квартала или почтовой конторы. Будь другом, сообщи мне всё, что ты знаешь.

Хотелось бы перед смертью взглянуть на Крюков, хоть на фотографии. Много ли он изменился с 1920 года. Существует ли старый мост (посылаю здесь фотографию моста 1903 года. Это из архива Марбурга). Посылаю так же фото Антона в Воронежской дружине в Киеве (1917 г.), мою фотографию в Марбурге среди педагогов и мою фотографию реалистом 1910 г.

Посылаю так же открытку с видом Марбурга (кубические здания справа — философский факультет, где находится лаборатория А.С. Макаренко).

Вот так сложилась жизнь. Даже родные могилы разбросаны по всей России. Не ропщу — могло быть хуже, в особенности у меня.

Чтобы не забыть: кодированный № нашего Иера не 38406, как ты помечаешь, но 83406. (38 это совсем другой департамент: Изер-Гренобль).

Ну вот, моя родная далёкая кровиночка. Буду рад каждой твоей строчке. От всего сердца желаю тебе много здоровья, бодрости и благополучия. Обнимаю и целую крепко, крепко.

Прилагаю 4 фотографии и 1 открытку.

* * *

Действительно, мы с моей невестой, такой же контрой, как и я, послали деду телеграмму, и с той поры с ним постепенно завязалась самая живая переписка, которая в чём-то заменила мне убитого в том же Голицыне, что и Антона, отца, а Тася перестала быть Виталию «единственным» другом. И только что процитированное мною письмо, наверное, последнее из датированных. Но есть ещё полстраницы, должно быть, из более раннего, написанное от руки, когда она ещё не сильно дрожала. Потому что в последние годы дед пользовался пишущей машинкой. К письму приложена нехитрая, но изящная аппликация из трёх сухих листиков или лепестков, образующих звёздочку, приклеенную к тонкой папиросной бумаге скотчем. Итак: «...котором я находился, когда в 20 шагах от немецких окопов ночью попал под ураганный огонь, и под носом у меня в изумрудной траве вспыхивали и потухали светлячки, а над головой свистели и выли пули. Страшно не хотелось умирать, но я был до ужаса спокоен, и тогда тоже спрашивал себя «не сон ли всё это, весь этот бессмысленный ужас». Но нет — это была действительность, т.к. через несколько секунд я получил сначала одну пулю по колену, и затем вторую — в бедро. Кровь была очень горячая и страшно липкая.

Будь здорова, моя кровинка, и да хранит тебя Создатель.

* * *

30.05.18. Нилова Пустынь **НО**

Little. Story

Anton Sergeevich Vasilyev-Makarenko

Abstract: *The story, recorded by Anton Semenovich Makarenko's great-nephew, based on the correspondence of his grandfather, Vitaly Semenovich Makarenko, with his niece at home in Kremenchug. The story reveals unknown facts from the life of the Makarenko family.*

Keywords: *letter, correspondence.*